

slag in. Louis zijn nekke. De jonge kerel viel voorover met zijn wezen op den grond en hij gaf geen kík meer.

't Vershot en de ontzetting ging in één schreeuw uit de bende op en na dien eenen schreeuw was er de verwarring reeds en ging het gekerm en gejammer der wijven. Zij sprongen toe, de meisjes vluchtten met de handen in de lucht en riepen om hulp. De mannen stonden met hangende armen, ontsteld en radeloos op dat eerste ooggenblik en had den veerkrachtigen tegenstand van zijn stok en de deugd voelen zinderen in zijn arm als van een lijmenden trek die striemt op den rug van een vetten stier. Met den slag was zijne gramschap gevallen en voelde hij ook de nuttelosheid van zijn woede zoogauw hij den stand van zijn oppegezag hersteld wist. Hij stond beschaamd tegenover zijn volk en hij ondervond de deugd niet die hij in 't handhaven van zijn vaderlijk recht verwacht had. Daarom veinsde hij nog gramschap en hield hij den stok gereed maar hij wist niet tegen wie hij hem heffen moest. Niemand gebarde nog dat de boer er was en waar hij stond keek niemand naar hem. Ze troepten rond den gevallen jongeling, ze liepen over en weer met lekend natte voorschooten die ze in 't water van de gracht hadden gedoopt — al 't belang was ineens bij den jongen die gevallen lag. Vermeulen aarzelde nu of hij 't volk nog moest van den vlaschaard jagen — er was ineens iets voorgevallen dat al zijne inzichten veranderde, iets wat hij niet voorzien had... Hij was de overwinnaar, hij had zijn meesterschap veroverd, hij hield, hij kneep zijn macht in de vuisten, hij knarzetandde... maar er was iets gebroken, hij had iets verloren dat kostelijker was dan al 't andere en hij had het niet gekend tot over een stonde nog: nu kende hij het en nu ook wist hij hoe zijn meesterschap voortaan onnoodig en een nutteloos ding zou kunnen worden...

(1907)

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ (II):

1. Какие факты биографии автора вы узнаёте в приведенном фрагменте на русском языке?
2. В чем заключается конфликт между отцом и сыном во втором фрагменте?
3. Какими средствами писатель создает во втором фрагменте ощущение приближающейся катастрофы?
4. Почему этот текст читать сложнее, чем, например, Кулперуса?

ГЛАВА 25

ФЕЛИКС ТИММЕРМАНС FELIX TIMMERMANS

(1886–1947)

Феликс Тиммерманс вошел в историю нидерландской литературы как необычайно яркий и остроумный автор книг о жизни фламандской провинции (*streekroman*), проникнутых редкостным жизнелюбием и оптимизмом. Одновременно он был художником и часто сам иллюстрировал свои произведения рисунками, выполненными в иронично-примитивистской манере.

Леополд Максимилиан Феликс Тиммерманс родился 5 июля 1886 г. в древнем городке Лире (близ Антверпена), расположенном у слияния рек Большая Нете и Малая Нете, — местности, где он прожил, за исключением нескольких непродолжительных поездок, всю жизнь. В родительской семье он был тринадцатым из четырнадцати детей. Его отец и дед владели кружевной мастерской (будущий писатель с детства рисовал узоры для кружев), а дед с материнской стороны зарабатывал на жизнь кузнечным делом. В школе Феликс учился мало и неохотно. Его отец — человек исключительно жизнерадостный, с богатой фантазией, к тому же великодушный рассказчик — не был строгим воспитателем и не слишком расстроился, когда Феликс в четырнадцать лет бросил школу и стал помогать ему в магазине продавать кружева. Феликса тянуло к изобразительному искусству, он подумывал было поступить в Антверпенскую академию изящных искусств, но побоялся, что придется слишком рано вставать, чтобы успевать на утренние занятия. Поэтому ограничился вечерней художественной школой в Лире.

Вскоре после поступления в вечернюю школу Тиммерманс подружился с художником Раймоном де ла Э, который как раз

вернулся в родной Лир после службы в армии. Благодаря ему Тиммерманс приобщился к теософским идеям Елены Блаватской и Анни Безант. Во время прогулок по окрестностям Лира друзья беседовали об одухотворенности природы, о святом Франциске, о Гидо Гезелле и Метерлинке, к тому же Раймон де ла Э был большим почитателем музыки Вагнера. Под его влиянием Тиммерманс долгое время увлекался вегетарианством и спиритизмом. В этот период интереса к потустороннему, который продлился приблизительно до 1911 г., Феликс Тиммерманс публикует (под псевдонимом) свои первые религиозно-мистические стихи и прозаические опыты. Значительную роль в формировании Тиммерманса-прозаика сыграло знакомство в 1904 г. с произведениями великого фламандского писателя-натуралиста Стейна Стрэвелса, под влиянием которых он вскоре написал ряд натуралистических рассказов и повестей (впоследствии составивших сборник «Из узких переулков» («Uit Nauwe Stegen»). В этих рассказах нидерландский литературовед Тео Рюгген видит первые проблески той тональности, в которой Тиммерманс напишет свои самые значительные произведения. Но пока еще натурализм и реализм остаются в тени мощного романтического начала.

Средневековый город Лир заменит двумя древними памятниками архитектуры: собором Святого Гомара (XIV в.) и особенно Большим Бегейнхофом — одной из самых древних обителей Бегинки, которая возникла еще в XIII веке. Бегинки — это одинокие женщины, ведущие монастырский образ жизни, но не принимающие обета безбрачия. Лирский Большой Бегейнхоф, средневековая атмосфера, сохранившаяся на узеньких, местами менее метра шириной, улочках этого города в городе, во многом определила мироощущение Тиммерманса как писателя и художника. «Чем больше я занимаюсь живописью, тем больше обнаруживаю, что сильнее всего люблю прерафаэлитов, не английских, а настоящих! <...> Мемлинк, ван Эйк, Питер Брейгель и т. п. ... говорят мне больше, чем все те, что пришли позже их, будь то Рубенс, Рембрандт, Браувер, Веласкес, Микеланджело или Да Винчи», — писал он в 1943 г. Мир Большого Бегейнхофа, возникший задолго до Ренессанса и населенный героями средневековой фламандской литературы, не замечающий хода истории и не обращающий внимания на какие бы то ни было политические события, был для Тиммерманса основной точкой отсчета.

Именно здесь происходит действие его ранних рассказов, написанных в соавторстве с Антоном Тири, который был немного младше и сам вырос у бабушки в Бегейнхофе. К великому счастью Тиммерманса, первый из этих рассказов «Ессе Ното и испуганная привратница» попал в руки Виллему Клосу, который одобрил его и напечатал в своем знаменитом журнале «De Nieuwe Gids» (июль 1906). Здесь же, в Большом Бегейнхофе, Тиммерманс случайно познакомился с архитектором Флором ван Рейтом, приехавшим в Лир на пленэр. Тиммерманс и Флор ван Рейт увидели друг в друге единомышленников и подружились на всю жизнь. Уже в следующем году они вместе едут на пять дней в монастырь в Ахель, потом совершают нечто вроде паломничества по семнадцати бегейнхофам в разных фламандских городах.

Для Тиммерманса это было время духовных исканий, когда он вместе с другими начинающими литераторами, входившими в Лирское отделение общепламандского Союза молодых писателей-католиков, устраивал спиритические сеансы и обсуждал вопросы веры с католическими священниками. Его мистически-символистские переживания в духе Метерлинка, страх смерти и отход от детской веры в Бога нашли выражение в сборнике сумрачно-романтических рассказов «Полумрак смерти» («Schetevingen van de dood», 1910). Книга вышла с иллюстрациями Флора ван Рейта, которому и была посвящена. В 1912 г. увидели свет и «Сказания о бегейнхофах» («Begijnhof-Sproken», в соавторстве с Франсом Тири). Но между выходом этих двух книг в жизни Тиммерманса произошло важнейшее событие, перевернувшее все его мироощущение.

В феврале 1911 г. Тиммерманс лег в больницу на плановую операцию грыжи, взяв с собой книги, в частности Метерлинка, чтобы коротать время на больничной койке. Однако после операции начались серьезные осложнения, так что врачи опасались за

Феликс Тиммерманс
(худ. И. Опсомер)

его жизнь. Эта реальная близость смерти пробудила в нем острейшее желание жить, которое он описал так:

О! когда я заглянул в бездну смерти, я внезапно увидел, точно в свете молнии, насколько проста жизнь... и точно так же, как рыба жаждет оказаться в воде, так я жаждал жизни!.. Я стремился к ярким краскам, дивным звукам, к ликующему небу! Я перестал рассуждать! Я пробудился от сна, полного страхов... до этого я жил лишь словами и видимостью... Желанье жить полной жизнью смыло все это, точно волной... Закончились сумерки смерти. Близился рассвет жизни, а рассветом жизни и стал «Паллитер».

(«Из моего шкафа для барахла» —
“Uit mijn gommelkast”, 1922).

Роман «Паллитер» — самое знаменитое произведение Тиммерманса; он вошел в историю нидерландской литературы как самый солнечный гимн Жизни, когда-либо написанный на нидерландском языке, а его главный герой до сих пор остается символом жизнерадостия и дара слышать ликующее пение природы. Роман переведен на сорок с лишним языков (но русского среди них, к сожалению, пока нет), а в 1976 г. был экранизирован. С 1986 г. перед Королевским Атенеумом в Лире стоит памятник заглавному герою книги Паллитеру.

Этот роман, первая глава которого увидела свет в журнале «De Nieuwe Gids» в августе 1912 г., примечателен не оригинальностью сюжета или глубиной философских обобщений, а великолепно переданным ощущением былого через край счастья, яркостью, сочностью описаний фламандской жизни, вне времени и практически вне социума. По тексту романа сразу заметно, что его писал художник: перед глазами встают то картины Брейгеля с их окрашенным юмором панорамным охватом мира людей и природы, то многофигурные полотна Йорданса, изображающие безудержно-веселые застолья, то натюрморты Снейдерса, умевшего, как никто, передать роскошное изобилие снеди.¹

Сюжет же достаточно прост. В начале романа мельник и пекарь Паллитер — это жизнерадостный и вполне состоятельный холостяк;

¹ Сразу отметим, что сам Тиммерманс в высшей степени ценил гастрономические радости жизни, великолепно умел готовить и сам рисовал иллюстрированные меню для семейных праздников.

он живет в собственном доме с прилегающим участком на излучине реки Нете, недалеко от Бегейнхофа, откуда к нему иногда заходит священник. Жилище Паллитера носит имя «Рейнард» — честь знаменитого хитрого лиса. Хозяйство ведет Шарлотта — пожилая набожная женщина, которую порой пугают чересчур буйные выходы Паллитера. При доме имеются собака Лубас, конь Бейард (в честь волшебного коня из древней фламандской легенды), кот Тибейрт (тоже знакомое имя!), аист Петрус, козел Люцифер, черепаха Филле, куры с петухом. Холостяк Паллитер любит посмеяться и нередко устраивает забавы в духе средневековых клохтов с их грубоватым юмором. Так, приветствуя гостей, приехавших к нему на званый обед по случаю праздника Троицы и начала ярмарки, Паллитер оговаривает следующие условия:

...ge got hier allemaal veel ete, want er is veel geïed gekokt,
't moet allemol oep! En daargoem zeg 'k, dat de vier mense die 't
minste zullen ete, staalje moete trekke, en dat den dië die het kleinste
strooike trekt, mè zan bloete achterkake in een talloor gijspaar moet
gon zitte!

...вы все будете много есть, потому что наготовлено очень много и все надо прикончить. Поэтому я говорю вам, что те четыре человека, которые съедят меньше других, будут в качестве жребия тянуть соломинки; и тот, кто вытянет самую короткую соломинку, должен будет сесть толым задом в посудину с рисовой кашей.

Далее следует пространное описание всех блюд изобильной трапезы, чем-то напоминающей ассамблеи Петра I. В конце концов те из гостей, кто не смог съесть последнюю смену блюд, тянут соломинки. К счастью для гостя, вытянувшего самую короткую, Шарлотта, которая приносит тарелку с рисом, так безудержно хохочет, что нечаянно роняет ее: в итоге никому не приходится в нее садиться.

На этом празднике Паллитер знакомится с крестницей Шарлотты Марией (Марикен) и влюбляется в нее. Марикен отвечает ему взаимностью, и осенью они женятся. Первая зима их совместной жизни — месяцы беременности Марикен — полна счастья и радости. Паллитер умеет добавить веселья в любое дело, — так, например, поездка в кузницу, чтобы подковать Бейарда, оборачивается прогулкой в санях по свежесыпавшему снегу (см. фрагмент текста оригинала в конце главы).

Но счастье обитателей Рейнарда не долго остается безоблачным: весной приходит известие, что по земле, на которой стоит дом, будет проложена железная дорога, так что дом снесут. Паллигер придумывает выход: он заказывает большую специально оборудованную повозку, на которой они с Марикен и потомством отправятся путешествовать. В июне у Марикен родится тройня: два мальчика и одна девочка. Вскоре после этого вся семья отправляется в путь, в Большой Мир.

Чувство единства с природой поддерживается и композицией романа: все события четко вписаны в природный круговорот. Почти каждая глава начинается с описания утра, заканчивается изображением вечера. Действие всего романа в целом начинается весной, в месяце мае, который в католическом мире считается посвященным Деве Марии, — не случайно именно в этом месяце Паллигер знакомится с Марикен — и заканчивается в начале следующего лета: символ начала новой жизни молодой семьи.

Разумеется, «Паллигер» не свободен от автобиографических элементов. В 1910 г. Тиммерманс увидел в театре выступление молодой актрисы Марии (=Марикен) Янссенс, которое произвело на него огромное впечатление. И хотя родители Тиммерманса не одобряли его выбора, в октябре 1912 г. он женится на ней. Ей он и посвятил свою книгу. Венчание состоялось в соборе Св. Гомара. В первые годы после свадьбы Тиммерманс зарабатывает на жизнь в отцовской кружевной мастерской. Брак Феликса и Марикен оказался долгим и счастливым. У них родилось четверо детей: три дочери — Сесилия (Лиа), Клара и Тонет, и сын Гомар. Все дети унаследовали от отца художественную одаренность. Впоследствии особенно прославились Гомар (р. 1930), специализировавшийся на комиксах (под псевдонимом ГоТ), и Лиа (1920–2002) — сочинительница книг для детей и взрослых, фрейлина королевы Бельгии Фабиолы. Все дети охотно иллюстрировали произведения своего отца и впоследствии написали о нем книги.

Во время Первой мировой войны Тиммерманс был так называемым «активистом» (см. главу о П. ван Остаينه во II томе): как и многие другие фламандцы, увлеченные национальной фламандской идеей, он приветствовал оккупацию Бельгии немцами, так как считал, что братья-германцы помогут Фландрии стать независимой от франкофонов.

В 1918 г., по окончании войны, опасаясь тюремного заключения, которое в Бельгии грозило всем активистам, Тиммерманс переехал в Нидерланды. Двумя годами раньше в амстердамском издательстве «П. Н. ван Кампен» вышел отдельной книгой его роман «Паллигер». Роман наделал много шума в литературных кругах. С одной стороны, он привлек внимание как яркое и талантливое произведение, с другой стороны, немало читателей (в том числе католические священники) осудили его с идеологической точки зрения, так как в жизнерадостности Паллигера им привиделось языческое начало, преобладавшее, по их мнению, над христианским. В 1920 г. архиепископ Утрехтский запретил прихожанам читать этот роман. Тиммерманс был вынужден переделать «Паллигера», сократив слишком «языческие» эпизоды. С 16-го по 28-е издание «Паллигер» выходил в «подчищенном» виде, но начиная с 29-го издания (1966) роман снова стал публиковаться без купюр.

Во многом благодаря полемике вокруг «Паллигера» Тиммерманс оказался в центре внимания нидерландской читающей публики, что навело его на мысль об успешных выступлениях с рассказом о том, как он писал этот роман, и чтением фрагментов. В годы жизни в Нидерландах (с 1918 по 1920) он выступал с многочисленными лекциями, иногда по восемь-десять в месяц, в разных городах страны. На них собирались сотни слушателей, которые смеялись до упаду над шутками Паллигера и его создателя Тиммерманса.

В 1920 г. писатель беспрепятственно возвращается в родной Лир и вскоре, в 1922 г., получает Государственную премию по литературе (Staatsprijs voor Literatuur).

JULY						
ZONDAG	5	12	19	26	3	10
MAANDAG	6	13	20	27	4	11
DINSDAG	7	14	21	28	5	12
WOENSDAG	1	8	15	22	6	13
DONDERDAG	2	9	16	23	7	14
VRÛDAG	3	10	17	24	8	15
ZATERDAG	4	11	18	25	9	16

Июльская страница календаря за 1931 г. с ксилографией Тиммерманса

Феликс Тиммерманс работал в самых разных жанрах: он писал романы, пьесы, рассказы и сказки; как прозу, так и стихи, а также занимался живописью и графикой. Тематически его произведения делятся на четыре группы.

Это обработка средневековых памятников фламандской литературы: «Карел и Элегаст» (“Karel en Elegast”, 1921), «Четверо сыновей Амейна» (“De Vier Neemskinderen”, 1922); книги на христианские сюжеты: к написанному ранее «Младенцу Иисусу во Фландрии» (“Het kindeken Jesus in Vlaanderen”, 1917) добавляется «Арфа святого Франциска» (“De harp van Sint-Franciscus”, 1932); беллетризованные биографии художников: «Питер Брейгель, та-ким я унюхал тебя по твоим картинам» (“Pieter Bruegel, zoo heb ik uit uwe wegken gekoken”, 1928), позднее — «Адриан Браувер» (“Adriaan Brauwer”, 1948); и, наконец, просто романы из жизни фламандской деревни: знаменитый «Крестьянский псалом» (“Voetspalm”, 1935) — роман о жизни крестьянина Вортела, который изо всех сил стремится жить праведно и пыгается составить для себя стройную христианскую картину мироздания.

В период между мировыми войнами Тиммерманс продолжает выступать перед читателями, причем в разных странах — в Англии (1927), Швейцарии (1933), Люксембурге (1936), Дании (1936), но особенно часто и успешно — в Германии, где для него организуются многодневные турне с десятками выступлений.

О «Паллитере», уже переведенном на множество языков, включая исперанто, пишут хвалебные статьи рецензенты из разных стран, от Фредерика ван Эдена в Нидерландах до Сюзанны ла Фолетт в Нью-Йорке. В 1925 г. Тиммерманс становится членом корреспондентом, а в 1933-м и действительным членом Королевской Фламандской академии. В 1936 г. он встречает свое пятидесятилетие в зените славы: бельгийские, нидерландские и немецкие газеты и журналы уделяют его юбилею большое внимание.

Между тем над Европой сгущаются предвоенные тучи, которых писатель, похоже, не замечает. В интервью, данном 24 марта 1933 г., Тиммерманс говорит о том, что он сам далек от политики, но любит Германию и рад, что его здесь охотно читают, так как тем самым немцы многое узнают о Фландрии, ее народе и о городе Лире.

Весной 1939 г. у Тиммерманса обнаруживаются первые признаки сердечного недомогания. Его немецкий издатель Антон Кип-

пенберг обращается к его жене с письмом, в котором просит ее проследить за тем, чтобы Тиммерманс соблюдал предписания врача и вел более спокойную жизнь: «Те восемьдесят лекций, с которыми он выступил за минувшую зиму, не только очень утомительны, но и сопряжены с нарушением здоровья распорядка жизни». В начале 1940 г. Тиммерманс действительно несколько раз отказывается от чтения лекций. В марте-апреле 1940 г. его номинировали на Нобелевскую премию, которая, однако, не была ему присуждена.

В день нападения Германии на Нидерланды и Бельгию (10 мая 1940 г.) Тиммерманс находился в Роттердаме по случаю открытия выставки бельгийских художников. На следующий же день он поспешил добраться до Лира, а после 13 мая, когда немцы вступили в Лир, он две недели скитался вместе с семьей по более спокойным бельгийским городам и деревням. 29 мая семья Тиммермансов вернулась домой.

Несмотря на оккупацию, писатель продолжает заниматься тем же, чем и в мирное время: пишет и публикует книги, создает картины и рисунки, снова выступает с чтениями в Бельгии и в Германии. Кроме того, в первые годы войны работает редактором фламандского националистического издания “Volk” («Народ»). С 1940 по 1945 год его книги, как по-фламандски, так и в переводах на немецкий, французский, чешский, сербский, итальянский, норвежский и т. п., издаются многотысячными тиражами. В 1942 г. Гамбургский университет присудил ему Рембрандовскую премию — за которую ему, как нетрудно догадаться, уже в скором времени пришлось дорого заплатить.

Проблемы с сердцем повторялись, а 6 августа 1944 г. у Тиммерманса случился обширный инфаркт, так что врачи ему предложили ему строжайший постельный режим.

Меньше чем через месяц, 4 сентября 1944 г., в Лир, уже оставленный немцами, вступили английские войска. Вышедшие из поля участия Спротивления требовали, чтобы полиция города Лира арестовала писателя, не прекращавшего своей деятельности во время оккупации и принимавшего от оккупационных властей литературные премии. Однако королевский прокурор, ознакомившись с заключением медиков, отдает распоряжение оставить большого писателя в покое. Позднее Тиммермансу все же пришлось явиться на допрос в полицию, и около двух лет он находился под домашним

арестом. 22 декабря 1946 г. дело Тиммерманса было окончательно закрыто и все обвинительные санкции сняты.

Разумеется, в период травли писателя его собратья по перу тоже не остались в стороне: в 1946 г. Ф. В. Гуссен ван Буларе опубликовал несколько статей, в которых писал, что Тиммерманс обязан своим успехом исключительно нацистской пропаганде, но что теперь его уже никто не захочет читать (как мы увидим, это предсказание не сбылось).

После инфаркта Тиммерманс так и не вернулся к работе над прозой, так как от прозы чересчур волновался, что было опасно для здоровья. Вместо этого он принялся за доработку старых и сочинение новых стихов: поэзию он воспринимал как ювелирное искусство, где сосредоточение на форме преобладает над эмоциями. Стихи этого периода печатались в журналах, но отдельным сборником вышли уже посмертно («*Adagio*», 1947). Кроме того, в 1945–1946 годах в разных странах мира — в Италии, Швеции, Финляндии, Чехии — вновь стали выходить переводы его произведений; теперь наибольшим успехом пользовались его книги о художниках, в первую очередь о Питере Брейгеле. В июле 1946 г., когда множество писателей и просто знакомых поздравляли Тиммерманса с шестидесятилетием, он написал в ответ одному из них: «В таком возрасте, когда уже пора читать Фому Кемпийского [г. е. думать о душе], приятно получить поздравления от старых, добрых друзей».

Через полгода, в январе 1947 г., писатель умер от очередного сердечного приступа.

Феликс Тиммерманс и в наше время остается одним из самых читаемых и любимых фламандских писателей. В 1997 г., когда отмечалось пятидесятилетняя годовщина со дня его смерти, в Лире был установлен его бюст и показана премьера мюзикла «Паллитер». В Бельгии существует «Общество Тиммерманса», занимающееся изучением и популяризацией его творчества.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ:

1. Вспомните, кто был основоположником жанра деревенской (или «региональной») прозы (*streekroman*) во фламандской литературе. Каковы признаки этого жанра? Все ли они присутствуют в произведениях Тиммерманса?

2. С какими течениями начала XX века в мировой литературе связано творчество Тиммерманса? Через какие стадии становления он прошел?
3. Осуждаете ли вы Тиммерманса за его деятельность во время оккупации Бельгии?

4. Найдите в интернете иллюстрации Тиммерманса к «Паллитеру». В какой стилистической манере они выполнены?

ТЕКСТЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ:

ВОРОНЕНОК ЯН

Из книги Jan de Kraai (1940)

Когда Ян был еще совсем маленьким вороненком, негодный мальчишка похитил его в один прекрасный день из родительского гнезда на колокольне. Как Ян ни клевал вору руки, как ни обьяснял ему своим карканьем, что очень любит своих отца и мать, хулиган не отпустил его, а принес к себе домой.

Мальчишка подрезал ему маховые перья.

— Теперь он не научится летать, — сказал мальчишка и подрезал ножом шейку под языком. — Теперь он научится говорить, — сказал он.

— Фу ты ну ты, — жаловался Ян, — они хотят сделать из меня человека. И за что мне такая напасть?

Дом, где жил мальчишка, а теперь и Ян, был трактиром, который назывался «У жаждущего оленя» и находился на людной улице. А поскольку в этом трактире подавали славное пиво и стояло старое пианино, на котором играла и пела молодая хозяйская дочка, то сюда заглядывало немало посетителей.

Ян вырос и научился говорить «пррривет кррррасавчик», «хоррошая птичка» и еще много других вороньих фраз. Поначалу он хотел людям назло не произносить своим желтым клювом ни одного слова, но его подкупили кусочками сахара и обрезками мяса. К тому же уметь говорить — это, наверное, очень здорово, подумал он, ведь люди только этим и занимаются. Все только говорят и говорят, о себе — всегда хорошо, о других — всегда плохо.

Так Ян многое узнал о людях, заходивших в трактир или проходивших мимо. По этим же правилам он научился говорить и сам. И это было очень даже приятно. Он болтал и болтал направо и даже подпевал хорошенькой хозяйской дочке, сидя у нее на плече, пока она исполняла свои песни.

Когда в трактир кто-нибудь входил, Ян кричал:

— Ха! Пррривет кррррасавчик, менейр ван Динген славный менейр, хорррошая птичка!

Когда же господин Ван Динген уходил, Ян каркал:

— Напыщенный индюк, велика фигура, да дура.

Скоро Ян научился говорить не хуже адвоката. Ах, если бы он еще мог летать! Какое это счастье — быть большим вороном с сильными крыльями, и при этом уметь говорить! Летать, говорить и быть свободным! О, как бы он тогда отомстил людям, украсившим его из родительского гнезда! Подобно тому, как все человечество расплачивается за грех Адама и Евы, откусивших от яблока, так и всему городу пришлось бы расплачиваться за злодеяние хулигана-мальчишки.

Но о том, чтобы летать, не было и речи. Острые ножницы всякий раз вовремя подрезали ему отраставшие маховые перья. Гуляя по саду и со скуки склевывая дождевых червяков, чтобы хоть как-то убить время, Ян с тоской поглядывал на своих черных кузенов и кузин, величественно паривших в небе или круживших над колокольней. Несклько раз Ян пытался взлететь, но всегда падал на землю. Как же смеялись при этом хозяева трактира и соседи! Птицам тоже знакомо чувство собственного достоинства, так что Ян оставил эти попытки. И вдруг, совершенно непредвиденно, как это чаще всего и бывает, его жизнь коренным образом изменилась.

Как-то раз Ян клевал на грядке клубнику, ярко-красные ягоды, в саду позади соседского дома. Хозяйка, мейрау Глупсен, увидела это в окно кухни и принялась барабанить по стеклу. Ян сделал вид, что он тут ни при чем, запел что-то вроде «Скоро май-май-май, сердце пой-пой-пой» и важно прошептал в хозяйский сад через ту же дыру в живой изгороди, через которую пришел.

На следующий день у тех же соседей на дорожке лежала огромная клубничина и сверкала на солнце так, что хоть стихи о ней пиши. Ее явно кто-то обронил. «Уж из-за нее-то, надеюсь, никто не будет поднимать шум», — подумал Ян и с жадностью вонзил клюв в сочную мякоть. О-о-ой, как больно! Шума, действительно, никакого не было, но предательски спрятанная ловушка для воробьев с такой злобой щелкнула его по клюву, что он подумал: «Уже вечер», потому что увидел на небосклоне тысячу звезд.

Но не это было хуже всего.

Больше всего его самлюбие задел язвительный смех соседей. В нем вспыхнула ярость. Обычно он, как и люди, говорил правду только за глаза. Но теперь он настолько вышел из себя, что закричал им правду в лицо, чего они не выносят.

— Ах ты, худосочная мадам, — кричал он соседке Глупсен, — золотую брошку, которой ты так кичишься, когда идешь в воскресенье в церковь, твоя тетушка вовсе не оставила тебе в на-

следство, ты украла ее, когда тетя лежала при смерти. Служанка аптекаря все видела в зеркало из соседней комнаты, воровка, воровка!

От этих слов вся соседская семья пришла в бешенство и высыпала во двор, чтобы поймать и убить Яна. Следом за вороненком они ринулись во двор трактира, затем через кухню в зал.

— Эй ты, — закричал мейёр Глупсен трактирщику, — ты смеешь утверждать, что золотая брошь моей жены ворованная?

— Я в жизни не говорил этого, — ответил изумленный трактирщик.

— А вот твоя поганая ворона говорит — не иначе как это ты ее научил.

Увесистая оплеуха трактирщику. Ответный удар оловянной воронкой. Разбитый нос. Теперь уже вмешался Глупсен-сын и так напододал трактирщику, что тот осел на пол за своей стойкой. Хорошенькая дочка трактирщика выплеснула пинту пива в физиономию мадам Глупсен, за что та расцарапала ей ее хорошенькое личико. Трактирщик вновь поднялся на ноги и разбил бутылку о запылок соседа. Окна вдребезги. Стол вверх тормашками, зеркало на чашти, пивные кружки в осколки. Две семьи дрались не на жизнь, а на смерть, с таким ожесточением, что разнять их удалось только с помощью двух полицейских и комиссара. И весь сыр-бор — из-за этой грязной вороны, чтоб ей пусто было.

— Я сверну ей шею! — кричал трактирщик.

— Я разорву ее в клочья! — кричал сосед.

— В любом случае с ней надо покончить, — заключил комиссар. — Птицы, говорящие как люди, нарушают общественный порядок.

Как только Ян понял, что оказался между молотом и наковальней, он ощутил острое желание оказаться как можно дальше от обоих тяжелых предметов. Воспользовавшись суматохой, улизнул во двор и спрятался в глубине курятника между старыми железками и никому не нужными камнями. Ах, если бы он мог летать, он с радостью променял бы на это свое умение говорить! Ян забился в самый угол. Через некоторое время он услышал голоса хорошеенькой дочки трактирщика, отца и других членов семейства:

— Иди сюда, Янчик, иди сюда, мальчик, мы дадим тебе шарочка, мы угостим тебя свиной ножкой, пусть наш черныш полакомится.

Но черныш Янчик учуял в этом предложении дружбы что-то подозрительное и даже не шевельнулся. Когда стемнело и в домах погас свет, Ян расправил перья, покинул свое убежище и отправился на поиски спасения.

(Пер. И. Михайловой)

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ:

1. Какой мир — людей или птиц — вызывает у автора большую симпатию?
2. Чему научился вороненок Ян от людей? Полезные ли это навыки?
3. Картины каких художников вспоминаются при чтении этого фрагмента?

PALLIETER

(Fragment)

‘We gaan rijē met de slee!’ riep Pallieter, den mond vol eten; ‘t is een echt feest! Den hemel ligt oep de wereld! Rap!...’

Allebei gingen ze zich aanduffelen, ieder een berenmuts over het hoofd en pelsen aan het lijf. Pallieter haalde de slanke slee van onder het karrenkot, en spande er vlug de goede Beyaard aan. Het peerd werd met groote, koperen bellen behangen, die roerden en zongen bij het minste asemke van het dier.

Pallieter wachtte naar Marieke en liet de kiekens buiten. Doch ze hadden nauw den sneeuw gevoeld, een keer of drie gepikt, of ze liepen terug in het kot zich bijeen klodderen. Alleen de struische, groene haan met ros-gouden kop vloog op de besneeuwde doornhaag, en kraaide van daar zijn sterk geklaoren over de stille, witte streek, hij sloeg zijn vleugels eens open en toe, en wandelde dan terug naar binnen, en toen eerst leefde uit de verre, witte eenzaamheid, in een ander dorp, hanengekraai terug.

Maar daar was Marieke, die opgewekt in de slede sprong. Charlot, reeds bezig aan ‘t peekens en spruijtes kuischen voor de soep, die al over ‘t vuur hing met een groot stuk ossenvleesch erin, kwam mee buiften en vroeg:

‘Och, da moet plizant zijn, ma ‘k is meê rijē tot on de smet?’

‘Zit mor in,’ zei Marieke. Charlot zette zich in de slee en zuchtte van de deugd.

‘Mor ma gij nor huis brenge,’ zei ze nog, ‘want man soep staat oep! ze hangt over ‘t vuur!’

Loebas baste. Pallieter stak zijn pijp aan en zette zich van voor. De zweep kletste, de bellen rinkelden en daar reden ze door het volle witte land.

De boomen schoven voorbij, de witte velden draaiden, en Charlot hield zich stevig vast, vol vrees, aan Marieken.

Rap sneden ze door de sneeuw, ‘t gaf geen geluid, ‘t was zoet aan ‘t hert, en als wandelen, drijven, waaien op de lucht.

Alles wit, alles wit, boomen, wegen en veld, en daarboven, vast en gesloten, de grijze hemel. De hoeven zaten in den sneeuw verloren,

geen menschen te zien, en hier en daar ‘n koolzwarte kraai, die ergens neerstreek op het veld.

Van ver zagen zij hoe de roode gloed het hol van de klinkende smidse verhelderde. Daarheen dreef Pallieter de sleë, om kopnagels in Beyaards ijzers te laten slaan.

De twee vrouwen gingen zich seffens warmen aan ‘t spuwende, zoevende vuur, en Pallieter, om gauw weg te zijn, hielp den smid en zijnen knecht aan den blaasbalg trekken. Terwijl men op het gloeiend ijzer hamerde en het vuur rood opschoot in de donkere smis, lag daarbuiten het landschap wit en wijd. Pallieter kon er zijn oogen niet van afslaan en het juukte hem door het gansche lijf om weg te zijn, in den sneeuw, in die rare, schoone, witte weelde. En hij trok maar aan den blaasbalg, dat de vonken een meter hoog spuwden.

Charlot kloeg, en begon te zagen dat heur soep zou uitkoken.

‘Als ‘t ni gesnied had, ging ‘k te voet terug,’ zei ze norsch. Ze kon niet meer stil staan van ongeduld.

Gelukkiglijk was Beyaard spoedig klaar. Charlot kroop het eerst in de slee en ze reden weg.

‘Rap,’ zei ze, ‘want man soep.’

Doch ineens zag ze dat de slee een andere weg inreed.

‘Bruur,’ riep ze verbijsterd, ‘ge red verkierd!...’

‘Altijd recht deur!’ zei Pallieter.

‘Mor ‘k moet thuis zijn veur man soep!’ kreet ze wanhopig.

‘We moette gin soep hemme,’ antwoordde Pallieter kalm. Hij lei de zweep op Beyaard, en rapper reden ze door het veld.

Maar Charlot hield haar mond niet meer, en wilde te voet naar huis.

‘Hoe mier ge zaagt,’ riep Pallieter, ‘hoe rapper we rije. Ge moet mee!’

‘k Zal dan over de soep zwijsje,’ zei Charlot gelaten, maar zij voegde er nijdig bij: ‘Mor ‘k zal er toch oep peize’...’

Na een kwartierken kwamen ze aan de mastebosschen en de heide die aan den Noordkant der Nethes zoo maar seffens begint, terwijl langs den Zuiderkant Brabants vette velden zich uitstrekken. Hei, de mastbosschen in den winter! Hoe schoon en heilig-plechtig was het hier! De masteboomen die, om zoo te zeggen, hunne breede armen buigend strekken om den sneeuw op te nemen. En waar ze bijeen stonden en bosschen, oneindige bosschen vormden, waar niet anders te zien was dan besneeuwden grond en besneeuwde masteboomen, voelde men zich als in een kerk.

Dat was daar in die roerelooze, ongekende stilte om te bidden! Soms bleven ze stil staan, de drie, luisterend naar die stilte die het bosch beving, en dan waren ze zoo klein van hart en zoo vol diepen eerbied, dat ze onwillens niet verder rijden durfden of er moest eerst

van uit de stille, witte boschdiepte een vogel lachen, of Beyaard zijn bellen doen rinkelen.

Die zingende bellen als Beyaard liep! Dat was een groot klankenfeest over de stille, besneeuwde heide. 't Was of overal bellen klingelden; het rinkelend zilveren geklank liep over de witte vlakten, het bleef in de bosschen hangen, het tuimelde, het regende uit de boomen. De kruinen waren ermee gevuld. De witte landen zongen.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ:

1. Приведите любые пять примеров использованных автором диалектизмов. Сильно ли они затрудняют чтение?
2. Где автор использует больше диалектизмов: в авторском тексте или в речи персонажей? Почему?
3. Реалистичен ли текст? Какие детали представляются вам «художественным преувеличением»?
4. В данном фрагменте, по нашим представлениям, изображены четыре ипостаси Паллитера, символами которых служат Марикен, котел над огнем, кузница, стволы сосен. Охарактеризуйте каждую из них. Какая из них вам ближе и понятнее?
5. Не возникло ли у вас ассоциации со стихотворением «Зимнее утро»?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Последовенные издания переводов¹

- Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. (в т. ч. Генрих фон Фельдеке). М.: Художественная литература, 1974 (Библиотека всемирной литературы — Серия первая — том 23).
- Эразм Роттердамский. Похвала глупости. Разговоры запросто. Кинжал христианского война (разные издания).
- Европейские поэты Возрождения. (в т. ч. Я. ван дер Нот, П. К. Хофт, Г. А. Бредеро, Й. ван ден Вондел, песни гэзов). М.: Художественная литература, 1974 (Библиотека всемирной литературы — Серия первая — том 32).
- Европейская поэзия XVII века (в т. ч. Якоб Катс, Д. Хейнсий, Ю. де Хардэйн, Гуго Гроций, К. Хейгенс / Гейгенс, Ян Лейкен).
- Из поэзии Нидерландов XVII века. Л.: Художественная литература Ленингр. отделение, 1983.
- Вондел Й. ван ден. Трагедии. М.: Наука, 1988 (Литературные памятники).
- Хейгенс / Гейгенс Х. Назидательные картины. Томск — Москва: Волея долей publishers, 2002.
- Европейская поэзия XIX века (в т. ч. Г. Гезелле, В. Билдердейк, Ф. Старинг, Э. Поттгитер, В. Клос, А. Бервей). М.: Художественная литература, 1977 (Библиотека всемирной литературы — Серия вторая — том 85).
- Бейтс Н. (Хиллебранд). Старинный знакомый. Из книги «Камера-обскура» // Звезда, 2013, № 6.

¹ Оригиналы практически всех рассмотренных в данном томе произведений можно найти на сайте Электронной библиотеки нидерландской литературы dbnl.